

"Восторги смеха и тоски"

взбурдаженных и требующих, как брома, зрительных и чувственных ощущений".

"Театр и кино" действительно стал первым изданием в Одессе, заговорившим о серьезных и насущных проблемах театра и начинающем разворачиваться кинематографе.

Хорошо зная столичную художественную жизнь, Лев Камышников считал, что Одесса имеет право на самостоятельное активное творчество. На страницах журнала кроме "театральных фельетонов" самого редактора подробно и профессионально отражалась жизнь многочисленных театров Одессы и кинематографа, регулярно давалась столичная хроника, оперативно печатались рецензии на спектакли, причем в них давались емкие трезвые оценки работы артистов местных и гастролеров, много фотографий драматургов, антрепренеров, режиссеров, исполнителей. Изюминкой, а точнее, просто пиром для гурманов, можно считать идею Камышникова привлечь к работе в журнале известных художников. Здесь масса рисунков и карикатур Мих. Линского, И. Мексина, встречаются работы Б. Антоновского, МАДа, эскизы декораций популярного художника Городского театра А. Дмитриева и др. Отдельная благодарность ему за дружбу с художником Сандро Фазини, который с большим мастерством делал зарисовки актеров в ролях, и они даже лучше фотографий доносят до нас атмосферу театра того времени. Например, любимым объектом карикатур был популярный фарсовый актер М. Чернов.

Камышников привлек к работе в журнале молодых поэтов, и на страницах "Теат-

р и кино" стали довольно часто появляться опусы Бориса Бобовича, Александра Кранцфельда, мелькнул Валентин Катаев и др. Особенным энтузиазмом отличался Петр Сторицын. Увлеченный поэзией и мещанством (очень может быть, что он делал какие-то денежные вложения в журнал, как раньше в известные одесские литературные альманахи). Во всяком случае, его поэзо-рецензии, стихи к бенефисам и литературным датам очень часто печатались в "Театре и кино", хотя, честно признаться, особую одаренность они, увы, не отражали.

Убеждение, что театр необходим даже в самое трудное время, желание извлекать из этого искусства самое значимое и "направлять зрителя по пути красоты и правды" позволило ему на протяжении нескольких лет (1915-1917, 1919) стремиться вести зрителя "к театру-творцу, театру духа, а не нервов,

ра и кино" стали довольно часто появляться опусы Бориса Бобовича, Александра Кранцфельда, мелькнул Валентин Катаев и др. Особенным энтузиазмом отличался Петр Сторицын. Увлеченный поэзией и мещанством (очень может быть, что он делал какие-то денежные вложения в журнал, как раньше в известные одесские литературные альманахи). Во всяком случае, его поэзо-рецензии, стихи к бенефисам и литературным датам очень часто печатались в "Театре и кино", хотя, честно признаться, особую одаренность они, увы, не отражали.

Журнал невольно изображал истинное лицо современного ему театра. Камышников искренне сокрушался, что театральное искусство теперь "не школа, не кафедра, а лишь средство развлечения. Остальное не интересует, не волнует, даже отталкивает". Он тщетно призывал среди этой вакханалии сохранить ядро театра. Куда там!

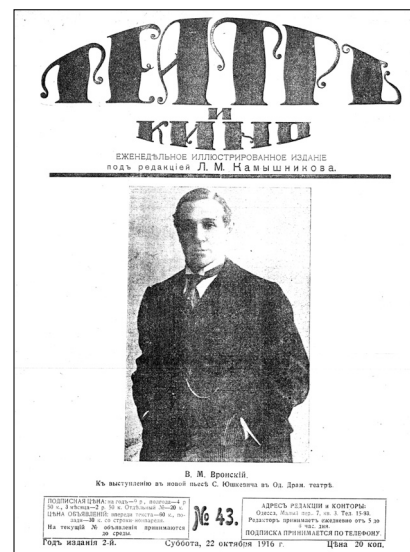
Правда, после февральской революции ненадолго появилась иллюзия свободы. Вы прочтете очень показательные стихи Изы Кремер. Людям казалось: "Оковы сняты! Какая будущность!".

Увы, журнал перестал выходить в апреле 1917 г. После перерыва, в январе 1919 года Камышников сделал попытку возобновить издание, но все было уже другим. Не спасли и рисунки из старых запасов...

В горьком редакторском "Театральном фельетоне" он напишет: "Очевидно, воздух Совдепии такой, что в нем дышать свободной и творческой душе невозможно... Однако, и здесь, где нет ни "Чрезвычайки", ни социализирующих искусство комиссаров, актеры и авторы не находят себе покоя, не видят цели, к которой можно бы было стремиться...". Многое тогда из жизни с уродливой жестокостью отразилось и на театре. Растерянность и неизвестность впереди заставили Льва Камышникова покинуть Россию в 1919 году и уехать в Нью-Йорк. Сколько раз потом и теперь Одесса будет терять талантливых, необходимых ей людей?!

Для публикации мы, однако, выбрали забавные и лирические страницы из "Театра и кино", памятуя, что театр, все-таки, прежде всего праздник.

Татьяна ЩУРОВА

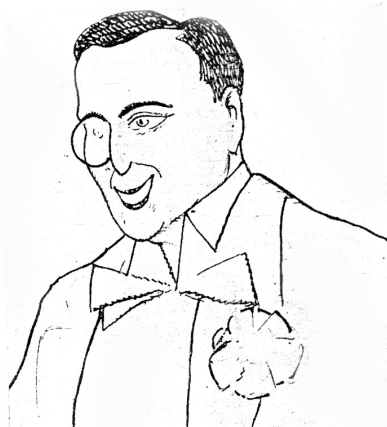
Театральный фельетон.

Рядовая тема театральных критиков — репертуарный голод.

На пьесы дороговизна и спекуляция пошла значительно раньше, нежели на прочие продукты потребления, значительно раньше начала нынешней войны. Дороговизна пьес старое, большое зло театра, с которым бороться тьм труднее, чьм лучше и богаче обставлен в театральном отношении город. Правда, дороговизна пьес имьет свое законное оправдание. Театру хорошая пьеса дает хорошую прибыль. В маленьком городе при одном театре авторы соответственно уменьшают свои аппетиты и поэтому картина репертуарного голода не действует на нас так угнетающе. Но авторов, в особенности хороших, становится все меньше и погоня за ними вздула цены на товар, часто не соответствующий по качеству его рыночной стоимости. В этом отношении антрепренеру приходится действительно очень туго. Уплатил человек за пьесу много, а пьеса провалилась на перв. же спектакль, что с ней сдѣлаешь? Казалось-бы, в таком вопросе интерес антрепренера, его материальные соображения должны были бы ему подсказать линию поведения. Покупать надо только такую пьесу, которую заранее можно без риска считать прибыльной. А определить это вовсе уж не так трудно. Чтобы ни толковали о счастье в театре и счастливом городе, кроме этих, частью невежественных, частью суеверных разговоров, есть одно определенное и исчерпывающее суждение, могущее повести антрепренера по правильному пути. В серьезном театральном деле публика своя, т. е. больше или меньше серьезно настроенная к театру, больше или меньше понимающая то, что происходит на сцене. Такую публику можно взять только тьм, что заслуживает внимания. будит мысль и чувство, словом, тьм, что

носить печать талантливости. И критика даже средней способности суждения всегда больше или меньше отражает такие вкусы толпы. Лучшим примером к тому, о чем я здесь пишу, является успех пьесы Винниченко "Ложь", единственной пьесы, которую пресса встретила у нас определенно благожелательно. Пьеса идет при полных сборах и публика чувствует автора, при всех его недостатках брызжущаго настоящим талантом драматурга. И тут я позволю себе высказать мысль, которая иным покажется парадоксом, но которая по существу несколько не парадоксальна, или ошибочна. Гораздо труднее режиссеру отказать себе в удовольствии поставить новую пьесу, даже плохую, нежели поставить хорошо старую, забытую давно, но хорошо сдѣланную пьесу. Между тьм, погоня за новинками как бы лишает режиссуру чуткости, отнимает у нее верный литературный критерий.

Сколько плохих пьес выбрасывается еже-

"Женщина без упрека"
Гальский — Глаголинъ
Шарж С. Ф.

годно на рынок драматургами больше или меньше бездарными!

Антрепренеры считают почему то священным долгом все их поставить в течении сезона, затрачиваясь материально, изнуряя труппу репетициями и работой, а публику необходимостью созерцать и слушать любую ерунду. Не говорю уже о том, что театр, ставящий все и вся, никогда не сумеет хотя-бы приблизительно намѣтить контуры своего отношения к сцене. Пестрый репертуар также обезличивает театр, как пестрое платье обезличивает красивую женщину.

Но результаты этого обезличения на театре отражаются значительно хуже, ибо театр не только голое эстетическое зрелище, но и определенный идейный фактор. Почему то установился такой взгляд, что ставить можно в драматическом театре все, что не имьет в себе элементов, чуждых драме, и поэтому любая благонамѣренная стряпня считается уже приемлемой для театра, раз она написана "драматургом". Это глубокое заблуждение, вызванное недостаточно высоким культурным уровнем руководителей театральных дел в России.

Великое умьне не только в том, чтобы хорошо поставить пьесу, а в том, чтобы совсем не ставить того, чего показывать публике не слѣдует. Умьне не поставить — этого не понимают современные режиссеры или антрепренеры и напрасно пеняют они на авторов. Это уже их собственная вина, а никак не тех, кто пишет плохия пьесы...

...Все это я говорю и повторяю к тому, что умьне выбрать пьесу — большое умьне, столь же большое, как и поставить ее.

И если бы не наше тусклое для театра время, когда многое, чего нельзя простить, прощается, а то, о чем надо говорить, не говорится, обь этом, затронутым мною вопросом, надо было бы писать, писать без конца.

Л. Камышников.

г. Ляровъ (Шамраевъ "Чайка")
Шарж С. Ф.

И. Г. Ильсаровъ — исполнитель кабаретныхъ пьесенокъ. Шаржъ М. Линскаго

Е. Гельцеръ и Жуковъ в балете "Танецъ ковбоевъ" Шаржъ С. Ф.

Дружескія характэрыстыкі.

I.

Одесскія паэты.

Начну цыкл сваіх характэрыстык зь Петра Сторицына, паэта, про котораго один из его соратников. Георгій Цагарели, выразился такими глубоко-правильными и характерными строками:

Как мѣсяц лысый, грузный тѣломъ,
Онъ острѣхъ сплетень любить зодчества,
Поэтъ-чудакъ въ костюмѣ бѣломъ,
Чей вѣчный спутникъ одиночество...

Когда то быть убѣжденнымъ толстовцемъ. Теперь футуристъ. Отъ смятеннаго богоскательства пришелъ къ тихому лону своихъ нѣжныхъ, немного вычурныхъ стиховъ... Любитъ искусство, еще больше его служителей... Въ бесѣдѣ съ другими говорить больше другихъ... Въ противномъ случаѣ нервничаетъ, волнуется, заплываеетъ...

Таковъ Петр Сторицынъ.

Анатолій Фіолетовъ, хотя и объявилъ себя предвѣстникомъ солнечныхъ разсвѣтовъ, однако это не вопли точно. Никакихъ разсвѣтовъ его поэзія не предвѣщаетъ, но все же есть въ ней что то чарующее и улыбочное. Читаетъ онъ свои стихи, покачиваясь, подобно маятнику, со стороны въ сторону на 90° и на раслѣвъ.

Въ Одессѣ, среди посвященныхъ, возлагаютъ надежды на Эд. Багрицкаго.

Чувствуя нѣкоторое духовное тяготѣніе къ Артуру Рембо, Виньону, Эредіа, Бодлару и друг. титанамъ, этотъ поэтъ допускаетъ и любить утверждать обратное: "великіе покойники, моль, не лишены кое-чего отъ меня идущаго..."

Читаетъ свои произведенія вычурно, громко, захлебываясь отъ меда образовъ и метафоръ, размахивая руками съ ногтями, на которыхъ вѣчный трауръ по "великимъ покойникамъ".

Исидоръ Бобович. Вотъ поэтъ, совершенно напрасно выступившій на свой почетный путь. Дѣло въ томъ, что своей творческой деятельностью онъ заслонилъ другого поэта (см. ниже подпись), надъ счастьемъ и славой котораго можно поставить крестъ...

Увы, ничто не вѣчно подъ луной!

Если вы встрѣтите на улицѣ юношу съ утонченно-краснымъ лицомъ и съ темно-зелеными глазами, знайте — это Ал. Соколовскій. Разница между нимъ и Пушкинымъ въ томъ, что перваго зовутъ Александръ Сауловичъ, а втораго Александръ Сергѣевичъ. Ну развѣ это такъ ужъ важно?

А. Кранцфельдъ можетъ гордиться своей дружбой съ Оск. Уайльдомъ. "Эхъ, было времячко, когда подходилъ я къ Уайльду и говорилъ ему: ты Оскаръ, не обижайся, но Маруся тебя разлюбила"... Такъ говоритъ г. Кранцфельдъ, подымаетъ голову и дѣлаетъ интересное лицо...

Много нѣжности и затаенной грусти теплится въ сердцѣ Семена Кесельмана. Ликъ его дышетъ нездѣшной чистотой, и непорочныя девушки въ свѣтлыхъ одеждахъ вѣчаютъ чело нѣжнѣйшаго и лиричнѣйшаго изъ одесситовъ вѣнкомъ изъ благоуханныхъ розъ...

Какъ счастливъ онъ! Ни ужасъ порока, ни смятеніе и сжигающая сила страсти не способны нарушать дѣвственность его души... Его стихи, за исключеніемъ цензурныхъ (остается лишь поражаться чистотѣ поэта!), блестящи по своей формѣ и глубоко цѣломудрены по содержанию...

Таковы въ общихъ чертахъ характерные признаки наиболѣе видныхъ представителей одесской поэтической богемы...

Борисъ Бобовичъ.

У окна.

Wers libre.

Мелкій дождикъ плачетъ по стекламъ.
Сѣрый день на вечеръ похожъ.
По садамъ, помятымъ и блеклымъ,
Пробѣгаетъ сырая дрожь.

Я одинъ въ опустѣвшемъ домѣ,
Позабывтый. Чужой для всѣхъ.
Острый вѣтеръ упорно ломитъ,
Искривленный стекломъ орѣхъ;

Подъ орѣхомъ — цвѣтникъ измятый.
Въ цвѣтникѣ — огни георгинъ.
Я тоскую, всѣми проклятый,
Въ опустѣвшемъ домѣ одинъ.

Ты сказала вчера — "не знаю".
И подумала — "не люблю".
Я стою у окна. Повторяю:
— Я не знаю... знаю... люблю...

Я не знаю... Четь или нечеть?
Я не знаю, можетъ быть, четь.
Мелкій дождикъ стеклярусъ мечеть
И вѣтеръ въ трубѣ поеть.

И гнутся вѣтви орѣха,
И листь за листомъ летитъ.
— Четь или нечеть? — Застрѣха
Дождевымъ серебромъ блестя.

Валентинъ Катаевъ.

Акварели.

1. Сигизмундъ Олесевичъ.

Движенія изломно-угловаты,
И женственны малиновыя губки.
И дымъ отъ кѣпстена изъ закопченной трубки —
Вась одѣвають въ ключья сѣрой ваты.

Упадочны, причудливы и гладки
Но мнѣ понятны Ваши акварели,
— Дворцы, какихъ не выстроить Растрелли
И розовая грива у лошадики.

Въ нашему театру незнакомки
Накинете влюбленно и учтиво
Одежду изъ шелковъ и Ваши примитивы
И красокъ дымъ волнующей и тонкій.

Мы разыграемъ съ куклами изъ ваты
Серебряныхъ съдыхъ венецианцевъ.
И среди масокъ, золота и танцевъ
Откроемъ балаганчикъ угловатый.

2. Сандро Фазини.

Какъ свято чтить Андіомену
Душою, кистью и перомъ
Фазини ультра-современный
Въ искусствѣ красочно-своемъ.

Какъ онъ стущаетъ страсть въ альковѣ
Своихъ упитанныхъ Жаннетъ,
Одѣтыхъ въ платья цвѣта крови,
Простыхъ, какъ Дантовскій сонетъ.

Кричащей киноварью сдѣланъ
Глубокой фондъ его картинъ,
Гдѣ женщины розовое тѣло
Цвѣтеть на зелени куртинъ.

Кто, какъ не онъ изъ четкихъ формулъ
Математическихъ задачъ
Рождаетъ смѣхъ, подобный шторму
И дробно скачущій, какъ мячъ.

Онъ любить хрусткій бѣгъ экрана
Въ порту заброшенный притонъ
И губы яркія, какъ рана
Доступныхъ женщинъ любить онъ...

Александръ Кранцфельдъ.

Иза Кремеръ.

Вместо ответа на анкету.

Позабыв невзгоды и тоску,
Вдруг из рабства вырвавшись суроваго
Мы, взлелеяв смелую мечту,
Дождались прекраснаго и новаго!
Это новое, желанное пришло
Словно дождь весенний воскрешающий,
Это новое съ собою принесло
Яркий свѣтъ, все обновляющий...
Это новое, как лучезарный сонъ
Рѣть въ воздухъ, вдыхается,
Это новое, как гулкй мѣдный звонъ
Радостной волною разливается!
Кто, забывъ опасность, дерзко мнитъ
Вдруг остановить потокъ бушующий?
Кто весельемъ пташкамъ запретить
Пѣть весною гимнъ ликующей?
Кто, невѣжествомъ и мракомъ ослѣпленъ,
Силится унять волну мятежную?
Кто, забывъ инерци законъ,
Смѣеть удержать лавину снѣжную?!

Иза Кремеръ.

Изъ Яковлевнѣ Кремеръ.

Она была, какъ музѣ каприччо...
"Madame Loulou".

Она — поэтъ съ душой артистки,
Хлопки, восторги и цвѣты.
Кричать ей — "Дуся" гимназистки
Изъ верхнихъ ложъ до хрипоты.

Она прелестна: крошка Тилли,
Цыганка Шари и Жермень.
Принцъ Максъ! Меня Вы обольстили,
Околдовали, взяли въ плѣнь...

Miss Джень! Я Васъ люблю и плачу.
Молю: скажите мнѣ — О, yes!
Я Вами весь до дна захвачень,
Вашъ грумъ, повѣса и балбесъ.

Ma petite Loulou! Пусть онъ уѣхаль,
Мансарда есть и у меня.

Я жду любви, проказъ и смѣха,
Улыбокъ солнца и огня.

Въ Литературкѣ на бильярдѣ
Скорѣй гоните въ лузу шаръ,
Чтобъ у меня въ моей мансардѣ
Рискнуть на гоуце и на поиг.

Васъ ждуть рулетка и фиалки.
(Фиалки, кажется, вашъ вкусъ?).
И я, поэтъ, худой и жалкй,
Волнуюсь, жду васъ, не дожусь.

Въ своей семьѣ я "деръ мизиникъ!",
Для васъ я самый вѣрный пажъ.
И счастливъ я, какъ именинникъ,
Цѣлуя каждый пальчикъ Вашъ...

Я слышу голосъ вашъ такъ близко...
Хочу кричать до хрипоты:
Она — поэтъ, она — артистка,
Ей поклоненье и цвѣты.

Ал. Кранцфельдъ.

Ночное кафѣ. Рис. И. Мексина

Эго-поздравление.

Судьбой веселаго каприза
Сошлись въ "Театръ и Кино"
Юшкевичъ, Юнгъ и Кремеръ Иза —
Въ своихъ портретахъ — заодно.
Какая дивная плеяда!
Какъ ими красенъ Вашъ журналъ!
Хоть, правда, мнѣ сказать Вамъ надо,
Что мой портретъ недоставалъ!
Но все же Васъ я поздравляю —
Давая искреннй совѣтъ:
Не позабыть, что всѣ желаютъ
Зрѣть офутуренный портретъ...

Петръ Сторицынъ.

"Жаннета съ голубой собачкой"
Рис. А. Фазини

И. Бунинь

Акростиhi одесск. поэтамъ.

IX.

Эдуарду Багрицкому.

Эллады вѣрный ученикъ,
Давно познавшій тишь элегій,
Узнай, в просторахъ страстной нѣги
Алмазный день дрожа возникъ.
Рыдай и жди! Уже вдали
Дрожащій ликъ встаетъ въ туманѣ

Бодлеръ и ты Рембо! Съ земли
Алмазами нѣмьхъ желаній,
Горя въ наплывѣ обаяній,
Рядясь въ серебряный нарядъ,
Идя въ небесные просторы
Цвѣтныя радуги горятъ.
Кади слѣпецъ! Гляди смиреннѣй,
Июльскимъ сумракомъ объять,
Ищи просторъ иньхъ забвеній.

Петръ Сторицьнъ.

"Желтая опасность". О.И. Инберъ,
членъ правленія Лит.-Арт.клуба

VIII.

Семену Кесельману.

Смѣясь, дарю Вамъ стихъ случайный,
Единственный, познавшій страсть,
Маня, Васъ возвѣчала тайна
Елея пламенная власть.
Немного сторбленный, и странень
Курчавый вьющійся проборъ,
Единственный... Вашъ духъ туманень
Сіяеть лестью тихій взоръ.
Еще тоскующій и темный,
Лья музыку прозрачныхъ строкъ,
Мнить онъ узреть въ дали огромной
Алмазной радости чертогъ.
Но дремлетъ ночь. И дремлетъ Богъ.

Фарсъ "Пушок" — М.И. Черновъ

Тетка Чарлей — М.И. Черновъ

Леонъ Левъ — г. Черновъ

Лѣтній "Фарсъ"

Бенефисъ М. Чернова.

Бенефициантъ пользуется популярностью,
какъ насадитель фарса.

Въ этой области М. Черновъ чувствуетъ себя
дѣйствительно свободно и легко.

Для бенефиса выбраны были двѣ пьески.

Въ первой "Игра съ болваномъ" — у бене-
фицианта небольшая роль, вниманіе публики привле-
каетъ В. Вронскій, талантливый комедійный актеръ.

Вопросительный знакъ — фарсъ
М. Черновъ

Себя показать удалось М. Чернову только во
второй пьескѣ "Тетка Чарлей".

Здѣсь большой просторъ для сценическаго
дарованія артиста, который уморителенъ въ жен-
ской роли "Тетки Чарлей".

Пуликъ все это очень нравится и она продол-
жительными аплодисментами поощряла артиста.

Пьесы были хорошо срететованы.

Бенефицианта много вызывали.

Была масса подношеній.

Л. Тригоринъ.

М.И. Черновъ — герцогъ
Фарсъ "Тубернская Клеопатра"